

Валентин Пикуль

ЭТОТ НЕСПОКОЙНЫЙ КРИВЦОВ

*Часть сборника
Через тернии – к звездам.
Исторические миниатюры*

Валентин Саввич Пикуль
Этот беспокойный Кривцов
Серия «Через тернии
– к звездам», книга 16

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164149

Пикуль В. Через тернии – к звездам. Исторические миниатюры: АСТ,

Вече; Москва; 2002

ISBN 5-17-010665-3, 5-7838-0969-1

Аннотация

«...Помнится, еще в молодости мне встретился любопытный портрет благоприятного человека в очках, под изображением которого пудель тащил в зубах инвалидные костыли. Это был портрет Николая Ивановича Кривцова. Писать о нем легко, ибо его не забывали современники в своих мемуарах, но зато и трудно, ибо перед этим человеком невольно встаешь в тупик: где в нем хорошее, а где плохое? Одно беспокойство...»

Валентин Пикуль

Этот беспокойный Кривцов

Историческая миниатюра

Помнится, еще в молодости мне встретился любопытный портрет благоприятного человека в очках, под изображением которого пудель тащил в зубах инвалидные костыли. Это был портрет Николая Ивановича Кривцова. Писать о нем легко, ибо его не забывали современники в своих мемуарах, но зато и трудно, ибо перед этим человеком невольно встает в тупик: где в нем хорошее, а где плохое? Одно беспокойство.

Впрочем, если читатели останутся недовольны моим рассказом, я отсылаю их к замечательной книге М. Гершензона “Декабрист Кривцов и его братья”, но я поведу речь о человеке, далеком от движения декабристов. Я приобрел Гершензона еще в молодые годы, примерно в ту пору, когда меня удивил этот пудель, несущий в зубах костыли. На моем экземпляре титул украшен надписью: “Акиму Львовичу Волинскому дружески от автора”.

Но это так – попутно. А с чего же начать?

Николай Кривцов, еще подпоручик, стал известен императору Александру I небывалым пристрастием к холоду. При

морозе в 20 градусов он ходил налегке, зимою спал при открытых окнах, в его комнатах не было печек. Помимо этого, Кривцов обладал еще одной способностью – смело проникать в дома, где его не считали дорогим гостем. Так, однажды он – в мундире нараспашку – был замечен государем перед домом французского посла Коленкура, и царь, гулявший по набережной Невы, в удивлении навел на него лорнет. Полагая, что наказание за нарушение формы неизбежно, Кривцов явился в свой полк, доложив командиру, что государь лорнировал его слишком пристально, а за расстегнутый мундир командир посадил его на гауптвахту. Через день его вызвал цесаревич Константин, спрашивая – где он был вчера?

– В посольстве у герцога Коленкура.

– Молодец! Мой брат император указал похвалить тебя за то, что не шаромыжничает, а бываешь в хорошем обществе...

В битве при Бородине Кривцов был жестоко ранен в руку и при отступлении из Москвы оставлен в госпитале. Однажды проснувшись, он увидел себя лежащим среди французских офицеров, раненных, как и он, в Бородинском сражении. Маркиз Коленкур при посещении своих соотечественников заметил и Кривцова:

– О, как это кстати! – воскликнул бывший посол. – Уверен, что вас непременно пожелает видеть мой великий император.

– Вы, – отвечал Кривцов, – даже не спросили меня, желаю

ли я видеть вашего императора...

Москва горела. Коленкур дал понять, что Кривцову лучше не возражать, иначе его потащат силой. В этом крылась некая подоплека. Наполеон, уже понимая, что войны с Россией ему не выиграть, желал начать переговоры о мире, а посему он искал среди русских посредника для связи с Александром. Но диалог поручика с императором развивался не в пользу Наполеона:

– Как не стыдно вам, русским, поджигать свой город!

– Мы, – отвечал Кривцов, – благоразумно жертвуем частью своего наследства ради сохранения всего целого.

– Целое и так могло быть спасено – миром!

– Но мы, русские, слишком гордые люди.

– Я устал от фраз... уведите его обратно! – распорядился Наполеон, догадываясь, что этот человек для его секретной дипломатии никак не пригоден...

Вскоре он оставил Москву и оставил в Москве своих раненых, которые решили отстреливаться из окон от казаков. Было ясно, что казаки, обозленные выстрелами, сейчас перебьют всех. Кривцов накинул мундир и обратился к французам:

– Коллеги, а вам разве не кажется, что вы эту партию проиграли, и потому я объявляю всех вас своими военнопленными.

После чего вышел на улицу перед казаками, убеждая их не предаваться мести, что вызвало гнев казаков.

– А ты кто таков? – кричали они из седел.

– Я? Я... московский генерал-губернатор, – самозванно объявил Кривцов, но от кровопролития он французов избавил, за что Людовик XVIII наградил его позже орденом Почетного легиона.

Долечиваться Кривцова отвезли в Петербург, где Александр I подарил ему пять тысяч рублей. По этому поводу Гершензон верно заметил: “Это было первое из многочисленных денежных пособий, которые он сперва удачно получал, а после научился искусно выпрашивать”. Выздоровев от раны, Кривцов нагнал армию уже в Европе, и после битвы при Бауцене честно заслужил чин штабс-капитана. Наконец, настал и великий день великой битвы под Кульмом.

– Ядро! – вдруг закричали солдаты...

В последнюю минуту сражения французы выпустили из пушки самое последнее ядро. Но именно это ядро (последнее!) оторвало Кривцову ногу выше колена. При операции, дабы избежать гангрены, хирурги так его искромсали, что обнажилась кость. Кривцов лежал подле знаменитого Моро, которого навестил император, заметивший и Кривцова:

– Бедный! Опять не повезло тебе... Чего желал бы?

– Единой милости: быть погребенным в Париже.

– До Парижа еще далеко, но я тебя не оставляю...

Он увидел Париж, а Париж увидел Кривцова, который завел знакомство с Лагарпом, Талейраном, мадам де Сталь, Шатобрианом и прочими, о которых еще никто не сказал,

что им ума не хватало. Близкий царю Лагарп отрекомендовал Кривцова как человека замечательного во всех отношениях, после чего Кривцов получил еще 5000 рублей, а заодно был произведен в капитаны. Намечался Венский конгресс, но какой же, спрашивается, это конгресс без Кривцова, и в салонах венской аристократии он прыгал на костылях от одной красавицы к другой гораздо резвее, нежели те, что оставались двуногими. Впрочем, навестив Лондон, Кривцов заказал там пробковые протезы, сделанные столь мастерски, что они выглядели естественно. Когда Александр I снова увидел Кривцова в Париже, легко и безмятежно вальсирующим, ему показалось, что это не Кривцов, а лишь двойник Кривцова.

– Верить ли глазам? – спросил он, лорнируя.

– Верьте, ваше величество, таких ног ни у кого нету, и один экземпляр я дарю инвалидному дому Парижа, как образец...

За границей он оставался еще два года, исколесив всю Европу, “всюду заводя знакомства с выдающимися людьми, слушая лекции, изучая устройство школ, судов, тюрем, богаделен и все занося в дневник с мыслями о России”, – последнее очень важно, ибо Николай Иванович оставался большим патриотом. Путешествуя же, он клянчил деньги у матери, у царя и вообще у всех, кто встречался ему на пути, сохраняя при этом такой пренебрежительный вид, будто оказывает снисхождение своим заимодавцам.

В феврале 1817 года Кривцов вернулся на родину и, оставленный от военной службы, был сделан камергером, причисленным к министерству иностранных дел. Это был год, когда юный Пушкин выпорхнул из Лицея, и Кривцов, конечно, свысока приметил гения, сдружившись со всеми членами литературного “Арзамаса”. Сам он стихов не писал, зато имел о стихах свое мнение. Вольтерьянец по убеждениям, он бравировал мыслями о республике, но при этом не забывал, что рог изобилия находится в царских палатах. Апломб его был таков, что придворные диву давались: какое нахальство! Кривцов мог, например, явиться во дворец незванный и просил доложить императрице о своем появлении, дабы иметь аудиенцию для разговора о будущем. Кривцову многое прощалось, ибо такой великолепной ноги, как у него, в России больше не было, а на будущее он не скрывал своих планов:

– Мне желательно заполучить пост посла в Америке...

Царь морщился, говоря, что для Кривцова достаточно, если он будет лишь состоять при посольстве в Лондоне. Посверкивая очками, поскрипывая протезом, Николай Иванович задумывался о выгодном браке, чтобы невеста была и знатна, и богата. Принятый в доме сенатора Вадковского, он заметил у него дочь Екатерину Федоровну, которая имела большую для него ценность – как внучка графа Чернышева (герб!) и как владелица большого приданого (деньги!).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.